

Пудов Алексей Григорьевич

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: ДИЛЕММА ВЫБОРА НОВОГО И СТАРОГО

В статье автор выявляет внутренние условия успешной социальной модернизации для этнических культур. Показаны на конкретных процессах этнических культур Республики Саха (Якутия) примеры по органической и неорганической их консервации. Последняя фундируется мифологическим и метафизическим концептами. Показаны перспективные возможности метафизического конципирования, основанного на символической онтологизации сознания, которая вбирает в себя синтез и трансмиграцию символов этнической и метафизической культуры, включение в современные формы культуры обоих типов символов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/3-2/40.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (29): в 2-х ч. Ч. II. С. 164-168. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 165.212:572.9

Философские науки

В статье автор выявляет внутренние условия успешной социальной модернизации для этнических культур. Показаны на конкретных процессах этнических культур Республики Саха (Якутия) примеры по органической и неорганической их консервации. Последняя фундируется мифологическим и метафизическим концептами. Показаны перспективные возможности метафизического конципирования, основанного на символической онтологизации сознания, которая вбирает в себя синтез и трансмиграцию символов этнической и метафизической культуры, включение в современные формы культуры обоих типов символов.

Ключевые слова и фразы: модернизация; этномодернизация; символ; символизация; синтез; трансмиграция; онтологизация сознания; консервация этнической культуры.

Пудов Алексей Григорьевич, к. филос. н.

*Якутская государственная сельскохозяйственная академия
agro_on_line@mail.ru*

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: ДИЛЕММА ВЫБОРА НОВОГО И СТАРОГО©

Начав разговор об этнокультурной модернизации, мы определяем ракурс видения любых модернизационных преобразований. Любая модернизация на чем-то основана, имеет собственные онтологические или идеологические основания. Этнокультурная модернизация определяет онтологический горизонт любого процесса осовременивания. Мы останавливаемся на последней как эффективной модели возвращения к бытию этнического символического сознания, востребованного в пору массовой духовной деградации общества и возможности саморазвития этнического, исключающего или снижающего риск возможности религиозного фундаментализма, национализма, демодернизации в целом.

Дело в том, что социальная реальность российской действительности составлена доминантной палитрой региональных этнокультур и традиций. Это определяющий фактор для многонациональной страны, в которой столетиями практикуется силовая, а не гражданская сборка в единое государство. Единое национальное слабо проартикулировано и претерпевает в России идеологический вакуум, часто заполняемый этноцентристскими идеями, инициированными не по мысли, а по психологии, первичной пассионарной реакции. Подобие американского «плавильного котла» – интернационализм потерпел крах у нас и в Соединенных Штатах. Идеи мультикультурализма терпят неудачу в Европе. Это были идеологические проекты, онтологическим основанием которых не являлись состояния сознания и фундированные в них символы. Сутью являлись псевдосимволы (в терминологии метатеории сознания М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского [2]). «Время жизни» подобных псевдосимволических образований соизмеримо со временем действия основополагающих мифологем, «протаскивающих» свой концепт к жизни. В традиционном, мифологически конципированном обществе время жизни идеологически продиктованного проекта равно времени действия концепта. Как только возникает новый мифологический концепт или новый метафизический способ конципирования, время жизни старого неумолимо сокращается. В связи с этим время предьявляет свои права на жизнь национальных государств, так как последние, как правило, опираются на национальные мифологемы, конципированные политической сферой, которая фундирована не по мысли организованными ментальными структурами – идеологией.

Этническое на этом фоне предстает в большей мере нагруженным символическим сознанием, которое косвенно десигнирует к бытию посредством мифологического способа кодирования социальной реальности [4]. В свою очередь, метафизически конципированные состояния сознания – символы сознания – суть достаточное условие для завершенной этнокультурной модернизации [Там же]. Но на пути проведения этнокультурной модернизации возникают проблемные вопросы, связанные с двумя ключевыми способами кодирования социальной реальности.

Естественный процесс смены традиционного способа хозяйствования (как правило, аграрного для окраин России) завершился, причем массово. Смывается основанная на такой хозяйственной модели этномифологическая система «рождения человеческого». Отсюда та самая интенсивная утрата внутренней системы нравственности народа. По сути, с уходом системы внутренней нравственности этноса [5, с. 156] исчезает его народ. Единственной реакцией на данный вызов этнической культуре становится ее самосохранение и возможность саморазвития.

Сегодня мы наблюдаем следующие основные, на наш взгляд, тенденции в региональных этнических культурах. Далее будем опираться на анализ, проводимый на основе наблюдаемых явлений в этнической культуре якутов – саха (*самоназв. якутов*), культурах коренных малочисленных народов Северо-востока Российской Федерации – юкагир, чукчей, долган, эвенов и эвенков. Первую тенденцию назовем «осознанной неорганической консервацией» – сохранением этнического символизма сознания. Под консервацией мы подразумеваем осознанную социально-политическую (идеологическую) установку на сохранение, инициированную политиками

по сохранению этнических культур. Данная тенденция фиксируется в политических и социальных программах законодательных собраний субъектов Российской Федерации, экономических и культурных задачах национальных субъектов. Актуальность консервации этнической культуры обретается для этносов, напрямую связанных с традиционным видом хозяйствования – оленеводством, коневодством, рыболовством и охотой. Для них остро встала проблема утраты родного языка, обрядов и традиций. По сути, вопрос встал об исчезновении этносов как уникальных культурных явлений. Немногочисленность юкагир, чукчей, долган, эвенов и эвенков усиливает деградационные процессы в жизнеспособности их этнических культур.

Сегодня задача консервации этнической культуры подразумевает возможность отразить и презентовать спектр этнических символов, трансформированных культурной переработкой в ценности рассматриваемой культуры. Вторая задача заключается в создании условий сохранения экзистенциального поля функционирования символического спектра этнокультуры. Так, существует контрнаправленное движение самой культуры по активному переводу указанного спектра в феномены массового знакового уровня. Последнее востребовано жизнью в целях активной внутри- и межкультурной коммуникации.

Метафизические основания формируемого таким образом мировоззрения остаются мифологически конципированными. Трансцендирование природных оснований в связи со сказанным апеллирует к мифологическим структурам сознания. В рамках глобального процесса всепоглощающего знакового разложения и исчезновения символического в сознании происходит интенсивное духовное обнищание, в том числе и через консервацию этнических культур. Дело в том, что знаковость предполагает опору на норму, знание, то есть инструкцию к действию. Последнее – весьма слабая форма для поддержания внутренней нравственности народа, из нее очень легко сорваться в пропасть безнравственности и варварства. Об этом уже говорили философы, в частности Ф. Ницше.

Второй вариант сохранения экзистенциального пространства этнического символизма – это выстраивание новой модели его функционирования за счет символосинтеза и символотворчества [Там же, с. 157]. Последнее ярко выражено в сфере искусства. Напомним, что символический ренессанс культуры, по сути, процесс продления этногенеза. Напомним, что этногенез и рождение этноса мы связываем с символотворчеством – процессом сотворения спектра символических образований: вербальных, графических, а также вещного формообразования, несущего символическую нагрузку, а как дополнение – дальнейшую идеологическую проработку и закрепление произведенных символических конструкторов через жанры устного народного творчества, наполненного спорадическим локальным психологизмом [6, с. 97].

Этносимволизм коррелирует укладу, который существовал столетиями и был привязан к системе традиционного хозяйствования. Сегодня, когда этносы полноценно не существуют в поле хозяйственной практики традиционной культуры, они не могут «подобрать ключик» к пониманию символов прошлого. У них нет возможности обретения бытия, когда-то завоеванного предками. Однако остается лазейка – это искусство, производящее фиктивные формы, – единственный способ разрушения далеко зашедшего культурного формализма. Ведь то, что нельзя увидеть органами чувств, можно увидеть через форму символа, ритма [1, с. 213-214]. Таким способом осуществляется реанимация бытия этносимволов и создаются условия для их участия в современной социальной реальности. Для этносов новая социальная реальность – это превращение этнокультурного символизма и поведения в культурный капитал.

В целом, если абстрагироваться от указанных процессов символосинтеза и символотворчества, можно отметить, что сегодня происходит первичная органическая реакция на вызов эпохи – миграция этнического в сферу искусства. Ее можно назвать «неосознанной естественной консервацией» в период, когда традиционный аграрный уклад народа уходит в небытие. Усиленно этот процесс происходит для оседлых этнических культур, например якутов, массово сокративших традиционные способы аграрного хозяйствования в XX-XXI столетиях. Этническому почти не остается ниши в социальной и хозяйственной структуре современного общества. В современную индустриальную и постиндустриальную эпоху наблюдается инкорпорирование вторичного символизма этноса в произведения искусства, с нередким попутным сопряжением с метафизическим символизмом. На фоне миграции этнического символизма в сферу эстетического происходит процесс саморазвития этнокультуры за счет символотворческих явлений в процессе создания произведений искусства.

Внутри процесса символического саморазвития этнической культуры происходит двоякое явление.

1. С одной стороны, обыгрывание этносимволизма в современных формах культуры – изобразительном искусстве, танце, театре, кинематографе, мультипликации. Современному этносу необходим не искусственный процесс перенесения ценностей и норм европейских культурных завоеваний просто как знания, а налаживание в этнокультуре возможностей принятия новых органических способов утилизации универсальных символов. Эти способы утилизации символов подразумевают понимание различия в способах кодирования и интерпретации символов разной природы, налаживание связей между мифологическими символами этнокультуры и символами культуры метафизической. Наиболее эффективным способом может являться выстраивание культурных форм, в которые включены как те, так и другие. Сочетающая в единстве одной формы символическая разнородность позволяет конгруировать разнородному, с другой стороны, это повлечет за собой процессы трансмиграции символических спектров разной интерпретационной природы. При этом единственным эффективным способом прочесть упакованное в них сознание становится облечение спектра национальных или этнических символов в форму, проигрываемую искусством, жанры которого позволяют найти новые каналы коммуникации на сознательном уровне.

Набор удачных форм-органов должен составить ментальность новой социальной реальности, например, модернизированного Севера – циркумполярной (арктической) цивилизации, по крайней мере, выражать ее ментальную целостность [3].

Сошлемся на конкретные примеры. Сегодня хореографами Республики Саха (Якутия) решается сложная задача по выявлению пласта этнической культуры, который погружен в глубины подсознательного. Он почти забыт и восстанавливается хореографами на свой страх и риск. Если некоторые танцы саха сохранились в почти первозданном виде, например круговой хороводный «Танец осуохай», будучи включенный в ритуал летнего праздника *Ысыах*, то многие другие безвозвратно потеряны, так как было утрачено их практическое предназначение. Например, утрачены воинские танцы, ушли танцы, связанные с особыми обрядами шаманского культа. Единственное, что остается, – это их личная интерпретация. Есть вероятность того, что, занимаясь постановкой танца, можно случайно попасть в нужную структуру сознания и, таким образом, вынести крупницы истины. В принципе, мы уже никогда не сможем понять, что сотворили. Например, мы до конца не понимаем, что есть «чорон» (якутский ритуальный кумысный кубок) как структура сознания наших предков. Но молодые хореографы могут поставить на сцене танец с чоронами, обыгрывая ту самую ситуацию включения этносимволов в современную, в данном случае танцевальную, форму. При этом кумысная посуда и сама структура ритуала организуются вокруг сопряженности со структурой сознания – «обращение к божествам», «донесение своего преклонения, моления им». Обыгрываемая в стихии современного танца кумысная посуда может «сработать» и помочь выйти на её изначальный смысловой топос.

Создавая новую культурную форму, мы не должны использовать лишь архаичные мифологические механизмы трансляции символов. Есть необходимость дополнительно сделать якутский ритуальный кубок «чорон» ритуальным элементом новой традиции, запускающей не столько мифологический, сколько метафизический символизм. Нужен новый артикулированный «язык символов». Этнический символ должен зажить новым метафизическим содержанием, а культурной формой может стать для северян экологическое отношение к природе, данное в устном слове и музыкально-танцевальном оформлении.

Хореографы чувствуют, что дотрагиваются до истины, когда зрители, наблюдающие за постановкой, что-то начинают испытывать, понимать о культуре народа саха. Нечто подобное происходит в поставленном этнофольклорной труппой «Сандал» Якутской ГСХА танце «Дьэһэҕэй», руководитель С. Ф. Катаков – приверженец экспериментального фольклора. Есть у молодого хореографа план создания целой серии якутских ритуальных танцев, а также желание построить законченную систему оздоровительной «якутской йоги», основанной принципиально на якутской пластике поклонов, число видов которых, по описаниям в Олонхо (самоназвание якутского героического эпоса), доходило до девяноста девяти.

Мы будем относительно спокойны за этнокультуру, если сумеем создать ее новые формы, высвобождающие смыслы древних этносимволов, если сумеем органично вплести их как продуктивные механизмы современной культуры. И здесь нужно быть осторожным. Нужно постараться сохранить баланс между знаковой массовой и символической метафизической культуры. Ведь есть соблазн погрузиться в пространство пустых знаков.

2. С другой стороны, происходит следующая тенденция – сопряжение в одной культурной форме символов разной природы кодирования. Здесь возникает новая проблема: что перевесит – мифологический или метафизический способ кодирования социальной реальности? Поясним это на примере регионального кинематографа. Якутский кинематограф в последние пять лет испытывает массовый творческий подъем. Снимается много игровых фильмов. Если попытаться шире представить современный кинобум в философско-культурологическом аспекте, то обозначится следующее. Явление указанного кинобума – это онтологическое желание открыть в своей культуре новые формы и возможности. Это очень сложно, нужно овладеть современным кинематографическим языком. По сути, это и есть основа для этномодернизации, созданная на онтологическом уровне, – поиск и нахождение «нового языка» (через эстетическую форму кино) для старых явлений, новых форм, заставляющих этнические символы заработать. Кинематограф пока стал единственной формой культуры, эстетической синтетической формой, способной связать этносимволизм с универсальным – метафизическим. Кинематограф решает сложную задачу по трансмиграции этнических символов. Некоторые фильмы поставили диагноз нынешнему творческому этапу: происходит утрата своего локального этнического символизма и невозможность выхода на универсальность христианского (метафизического) символизма. Это и есть задача любой модернизации в ее онтологическом срезе. С другой стороны, кинематограф стал явлением сублимации невозможности самобытия в некоторых социальных формах бытия.

А можно ли использование этнического символизма в современных условиях сделать настолько же продуктивным, как и в прошлые исторические эпохи? На наш взгляд, трансмиграция символов возможна. Она предполагает блокирование механизма наглядности, имеющей место в мифологическом типе кодирования и декодирования символа. Существует необходимость блокировки содержательной наличности символа, концентрации на его форме как определяющей. Меняется тип кодирования и интерпретации – с мифологического на метафизический. Суть изменений на основе символической онтологизации сознания раскрывается фиксацией лучших образцов жизни сознания, предоставлением им возможности занятия ниши в социальных структурах.

Все вышеназванное можно назвать символической онтологизацией сознания – символическим ренессансом, возвращением этнического символа в память современного поколения. Здесь можно назвать фактор успешной, завершенной этнокультурной модернизации – это трансмиграция этнического символизма,

наполнение этносимволизма новым смыслом посредством метафизического типа кодирования. Символический ренессанс есть усилие по завоеванию глубин собственной этнической культуры, а также открытие новых метафизических возможностей в родной культуре.

Реальность, в которую погружены современные северяне, можно охарактеризовать как транзитивную. Если присмотреться, то увидим, что традиционный уклад сохраняется именно там, где того требует ранимая и легко не восстанавливающаяся природная среда. Следовательно, этносы и их культуры являлись важным неотделимым компонентом существования человека в такой среде – другого способа пока нет, но, может быть, он появится благодаря современным технологиям и возрожденным на новой онтологической основе символам сознания, выстраивающим этическое отношение к природе. В сущности, нужно оставлять метафизический зазор для человеческого достоинства через наполнение метафизическим смыслом «устаревших» этнических псевдосимволов с обязательным включением последних в новые формы культуры.

За счет подобных явлений, лежащих на онтологическом уровне этнокультурной модернизации, осуществляется фундаментальный переход – трансмутация культуры, под которой мы подразумеваем механизм перехода от знакового к символическому типу кодирования социальной реальности.

Что мы наблюдаем в настоящий момент? Это две главные тенденции: консервация этнического символизма мифологическим способом кодирования и символотворчество и символосинтез как метафизический способ кодирования.

Так, введение мифических «персонажей» – псевдосимволов – позволяло за счет совмещения в своем теле (явлении, вещи или герое) противоположностей разрешить противоречивое для человека мифологического мировоззрения противопоставление природы и культуры. Кентавричная соединенность двух важнейших для человека центров в одном «теле» разрешала сомнения. Мифологический псевдосимвол осуществлял перенос ответственности с самого человека на мифический объект. Результатом была истина о человеческой предназначенности.

В метафизическом символе нет изоляции от бытия, нет указания на какие-то недоступные в действительности сверхъестественные вещи. Сверхъестественное отменяется – срывает запрет, указующий на появление качественно нового метафизического мировоззрения.

Дилемма «традиция (консервация)/культурная модернизация (этномодернизация)» испытывает инерционный вариант – консервацию этнического, присущего мифологическому концепированию. Однако всегда остается шанс разорвать отжившие мифологические пути за счет расширения метафизического пространства этнического символизма.

В ближайшей практике остается вариант по мифологизации действительности. Последнее можно встретить и в околонучных концептах. Так, широкий научно-популярный пласт экологической науки апеллирует к анимистическим и гилозоистским мифологическим концептам, например, «Пангеи-Земли», «благоговения перед жизнью», философскими основаниями которых являются неклассические типы рациональности, формализованные (мифологизированные) культурой. В данной парадигме народ, проживающий на арктическом Севере, можно рассматривать как часть симбиотического природно-культурного ландшафта, олицетворяемого называемой нами идеей «общественно-природного» договора. Отметим, что данный «договор», «данный» северным сообществом природе, выполнял на сегодняшний день архиважную для современной политики функцию – фактор геополитического (демографического) присутствия в труднодоступных районах Северо-Востока Российской Федерации.

Новый способ кодирования социальной реальности за счет символотворчества и символосинтеза предполагает, что мифологически концепированные этнические символы расширяются метафизическим способом прочитывания. Решение противоречия лежит в возможностях деконструкции формализмов культуры за счет придания конвенциональным знаковым связям, задаваемым мифологически организованными концептами, нового метафизического основания, воздействующего, прежде всего, на этнический символизм. Данный способ будет вполне дееспособен для этносов, переживающих интенсивную трансформацию своей социальной реальности. Для неорганически модернизированных северных этносов сегодня закончился этап просвещения – этнической самоидентификации и самоинституциализации. Начинается этап этномодернизации, основанный на преобразованном символическом пространстве их культур.

Список литературы

1. Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии. М.: Аграф, 1997. 320 с.
2. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание: метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 224 с.
3. Новиков А. Г., Пудов А. Г. Менталитет северян в контексте циркумполярной цивилизации: монография. Якутск: Изд-во ЯГУ, 2005. 178 с.
4. Пудов А. Г. Ключевые парадигмы кодирования социальной реальности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11). Ч. I. С. 161-166.
5. Пудов А. Г. Кодирование транзитивной социальной реальности на основе синтетического символизма сознания: вопросы этномодернизации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (18). Ч. I. С. 152-158.
6. Пудов А. Г. Феноменология и онтология символов в контексте модернизации этнокультур // Вестник Северо-Восточного федерального университета. 2011. Т. 8. № 2. С. 93-98.

ETHNOCULTURAL MODERNIZATION: DILEMMA OF CHOOSING NEW AND OLD

Pudov Aleksei Grigor'evich, Ph. D. in Philosophy
Yakutsk State Agricultural Academy
agro_on_line@mail.ru

The author reveals internal conditions for the successful social modernization of ethnic cultures, basing on the specific processes of the ethnic cultures of the Sakha Republic (Yakutia) shows the examples of their organic and inorganic preservation, tells that the latter is funded by mythological and metaphysical concepts, shows the perspective possibilities of metaphysical conceptualization based on the symbolic ontologization of consciousness, which incorporates the synthesis and transmigration of ethnic and metaphysical culture symbols, the inclusion of both types of symbols in modern cultural forms.

Key words and phrases: modernization; ethno-modernization; symbol; symbolization; synthesis; transmigration; ontologization of consciousness; preservation of ethnic culture.

УДК 947.083.4

Исторические науки и археология

Решение о сдаче четырех броненосцев, принятое контр-адмиралом Н. И. Небогатовым во время Цусимского сражения, является спорным моментом в отечественной истории. В данной статье на основе анализа газетных публикаций автор характеризует возможные причины его капитуляции, представленные в периодических изданиях начала XX в. В результате исследования раскрывается отношение российского общества к действиям Н. И. Небогатова.

Ключевые слова и фразы: военно-морской флот; Н. И. Небогатов; пресса; русско-японская война; Цусимское сражение.

Пышнограев Сергей Викторович

Воронежский государственный педагогический университет
s.pyshnograev@mail.ru

**ДЕЙСТВИЯ Н. И. НЕБОГАТОВА ВО ВРЕМЯ ЦУСИМСКОГО СРАЖЕНИЯ
В ОЦЕНКЕ РОССИЙСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ НАЧАЛА XX В. ©**

Цусимское сражение – одно из самых трагических эпизодов в истории российского военно-морского флота. В результате боя был уничтожен 21 корабль, погибли 5045 человек и 6106 - попали в плен [8, с. 246]. Наиболее позорной страницей битвы стала сдача четырех броненосцев под командованием контр-адмирала Н. И. Небогатова.

22 ноября 1904 г. началась подготовка 1-го Отдельного отряда судов Тихого океана (3-я Тихоокеанская эскадра – С. П.). В состав отряда вошли эскадренный броненосец «Император Николай I», броненосцы береговой обороны «Адмирал Сенявин», «Адмирал Ушаков», «Генерал-адмирал Апраксин» и крейсер 1-го ранга «Владимир Мономах». Ответственным за подготовку и снаряжение кораблей был назначен контр-адмирал Н. И. Небогатов. 10 января 1905 г. он вступил в должность командующего отрядом и поднял флаг на эскадренном броненосце «Император Николай I» [3]. 3 февраля 1905 г. эскадра снялась с якоря и отправилась на Дальний Восток.

Качества Н. И. Небогатова как флотоводца ярко характеризуют слова В. П. Костенко (*корабельный инженер эскадренного броненосца «Орел» - С. П.*), который лично беседовал с адмиралом, сохранив о встрече только положительные впечатления. В своих воспоминаниях он отмечает: «Все отзывы офицеров 3-й эскадры, совершивших с ним переход... характеризовали его как опытного и толкового моряка, твердого человека, прекрасного организатора и хорошего знатока навигационных условий Дальнего Востока... Небогатов умел объединить своих командиров и офицеров, вызвать их широкую инициативу и использовать всякое разумное предложение. Выполненный под его командованием блестящий переход... старых броненосцев от Либавы за трехмесячный срок и хорошая подготовка личного состава вполне доказали его высокие качества как адмирала» [4, с. 580].

Контр-адмирал смог использовать любые возможности для подготовки вверенных ему кораблей к предстоящему сражению. Во время похода отряд вел интенсивную боевую подготовку: ночные переходы совершались в кильватерном строю с выключенными ходовыми огнями и палубным освещением, в Средиземном море начались боевые стрельбы, а также проводилась постоянная сверка дальномеров на всех кораблях.

26 апреля 1905 г. отряд адмирала Н. И. Небогатова соединился со 2-й Тихоокеанской эскадрой под командованием вице-адмирала З. П. Рожественского и был включен в ее состав в качестве 3-го броненосного отряда.

В первой фазе Цусимского сражения контр-адмирал Н. И. Небогатов не играл существенной роли, выполняя приказы командира эскадры З. П. Рожественского.